

Владимир Псарев

Я - боль,
или Посвящение
тем, кем жив

12+

Владимир Евгеньевич Псарев
Я – боль, или
Посвящение тем, кем жив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63345113

SelfPub; 2020

Аннотация

Я долго думал, что здесь написать. Что-то нужно, да? Иначе не опубликуют. Хотя вроде всё сказал внутри. Скажу, что жизнь слишком сложна, чтобы мерить ее простыми категориями, и слишком проста, чтобы не мерить ее совсем. Меня много в чем обвиняли, но я всегда говорил, что чувствовал в данный момент. Кто вам гарантировал, что ваши многолетние отношения закончатся детьми и счастливой старостью? Кто сказал, что ваша работа обеспечит вам пенсию? Или, может, вы уверены, что у вас есть друзья, а ваши дети непременно будут здоровы? Задайте любой философский вопрос и ответьте на него "нет". Вы всегда окажетесь правы. И всегда окажетесь готовы. Я не знаю, куда я приду, но я знаю, что сейчас мне нравится вид впереди.

Владимир Псарев

Я – боль, или

Посвящение тем, кем жив

Спрячь сына моего, любимая женщина. Закрой меня, мой друг. В этом рассказе только правда. Можете считать это моей исповедью. Моими "Историями из легкой и мгновенной жизни", только в десять раз короче. Совсем скоро – через какие-то пару десятков лет – описанные здесь девушки станут серьезными любящими матерями, парни – отцами и главами семейств, выпивающими по пятницам, и воскрешающими по воскресеньям. Дай Бог никому не истлеть на кухне, не рассыпаться именами и пронести через эпоху то, что им дали родители и, быть может, такие, как я, годы тому назад. На этих страницах я не прошу спасти меня от самого себя. Я просто рассказываю о том, что для меня важно, и о том, о чем вслух страшно признаться многим. Прошу прощения у тех, о ком рассказал здесь, и, по совместительству, тех, кому это посвящаю. У всех. И говорю им спасибо.

"Не проснусь"

Маленький провинциальный город. Здесь, так кажется, все друг друга прекрасно знают. Может быть, так и есть. Я

думаю, что человеческая память способна вместить десяток тысяч имен. Моя, в любом случае, уже хранит.

Лето здесь – воистину самое прекрасное время, если отбросить то, что во время дождя от грязи невозможно отмыть никакие кроссовки. Спасают автомобили. Хотя, признаться, их тоже нужно иногда мыть. И здесь – лучше всего самому.

Мое детство было счастливым. Мне нет никакого смысла лукавить о том, что я где-то страдал и пробивался. Да, местами, если анализировать сейчас, такие моменты были, но в те года абсолютно так не воспринимались. С ранних лет я имел какую-то неистовую тягу к обучению. Не знаю, с чем это связано. Быть может, бабушка, ныне покойная, слишком много внимания уделяла моему домашнему образованию. Свою дочь – мою мать – она родила в тридцать семь лет. Строила карьеру. Построила. Но материнства в полной мере не вкусила, пока не вышла на пенсию и не занялась моим воспитанием. Валентина Даниловна Шашкова. Мне запомнилось все. Наши детские (для меня) игры, чтение книг вслух, рассказы о Ленинграде, в котором она когда-то жила и работала. Вкус к знаниям дала мне именно она. Мама, сама не отрицая этого, не могла мне внушить никаких наук, кроме науки любви. Любви чистой и беззаветной. Любви к своему ребенку в той степени, которая разрушает, разрывая данное малышу чистое полотно мироздания. На разорванном невозможно рисовать свое. Но моя бабушка, пока могла, эту белую скатерть подшивала. Подшивала старательно, и именно в тех местах,

где хотела каснуться моя кисть. Нет, это не значит, что я не люблю и не уважаю свою мать. Это лишь заметка о том, к чему я пришел к двадцати двум годам, а она к сорока пяти.

Бабушка умерла, когда мне было семнадцать. Я вернулся из Екатеринбурга со сборов и увидел в подъезде деревянный крест с ее инициалами. Мне ничего не сказали. Совершенно. Не хотели беспокоить. Еще один пример трогательной, но разрушающей заботы. Помню, как я, почти невыездной, восхищался красотами города-миллионника, фотографировал еще не снесенную телевышку, уродовавшую, по мнению местных, весь облик Екатеринбурга, а тут раз – и пожалуйста. Плакал, но скромно. Не так, как плакал на похоронах дедушки десятком годов раньше. Теперь я понимал всю необратимость времени, и это меня сдерживало.

Мама родила меня в двадцать четыре года. Родила от женатого мужчины, которому верила. У меня есть сводный старший брат – Эдуард, и сводная сестра – Валерия (младшая). От этой же женщины. Моя мама верила, и осталась со мной на руках. Их не опустила только благодаря бабушке, видевшей войну, оттепель, застой, перестройку. Рушились судьбы, сменялись генсеки, а она стояла – как соборы любимого ей Петербурга, в пору ее становления – Ленинграда. Запомнились ее истории о том, как она гуляла по колоннадам Казанского собора, в те годы – музея атеизма. Или загорала на пляже перед Петропавловской крепостью. Золотые шестидесятые. Все когда-то бывают молоды. А потом уми-

рают. Внезапно. Через пятьдесят лет.

Когда я родился, было страшное безденежье. Умопомрачительное по своим масштабам. Мама радовалась даже купленным карамелькам и селедке на развес. Когда случился дефолт, моей маме исполнилось двадцать четыре. В этот же день. Она была на восьмом месяце беременности. Бабушке и маме хотелось меня запечатлеть, и на фотоаппарат пришлось копить.

Я не помню первых лет своей жизни, как и почти все люди на этой планете. Что-то лишь по рассказам. Например то, что я выпил бокал шампанского на Новый, две тысячи первый год, и не мог перешагнуть через низкий порожек, отделявший гостиную от коридора. Мама в тот год вышла замуж за мужчину, который стал мне отцом. Как писал Карамзин, "не трудно стать отцом, трудно им остаться". До школы я называл его просто дядя Сережа, а потом вдруг – папой. Что-то подтолкнуло.

Родного отца я видел пять раз в жизни, и первые разы почти не помню. А дядя Сережа, как я понимаю теперь, имея жизненный опыт, действительно любил мою маму. И принял ее со мной на руках. Любил так, как буду любить потом я других, но об этом – чуть позже. Он рассказывал мне разные истории, а мама читала сказки перед сном, когда он уходил в ночную смену на завод. Его фамилию я так и не получил. Остался при своей – кровной. Сейчас я об этом не жалею, но были моменты, когда меня это по-детски обижало. Разум

растет, ширя скорбь, но и объясняет поступки других людей. В том числе и родных. Этот момент я объяснять не буду, но, быть может, о чем-то задумаетесь вы.

В школе мне исправно ставили хорошие оценки и убеждали, что я – особенный. Потом я вырос и понял – лукавят. Во-первых, оценки ничего не значат. Критика не рубит топором. Похвала не подает билет в рай. Все в нашей голове. Во-вторых, это не сыграло никакой материальной роли. Меня размотало так, что даже не помню, где лежит золотая медаль. Анодированная железка, за которую я отдал огромный пласт жизни, а мог любить и образовываться в тех направлениях, в которых действительно хотел. Но кое-что я все-таки успел.

Был у меня в детстве, да и сейчас есть, хоть нас жизнь и развела по сторонам, друг. Я четыре года жил, учился и работал в Новосибирске (город моего рождения по паспорту – Курган), а теперь там учится он – в ординатуре. Теперь совсем серьезный. Вячеслав, Слава, Геннадьич. Мы вместе играли в одном дворе, пропадали допоздна, пока нас искали родители, в гараже его отца, слушая записи Цоя. "Кончится лето", "Пачка сигарет". Все наши общие летá давно кончились, зато пачки сигарет – начались. Молодость. Теперь он врач, а я пока – маргинал, в самом институционализированном смысле этого слова.

Мы часто дрались, побеждая друг друга с переменным успехом, но всегда мирились. Что-то нас сближало, и сближает до сих пор, хотя, признаться, познакомься мы с ним

всего пару лет назад – друзьями мы бы не стали. Разные. И его путь ко мне – как путь кометы Галлеи. Слава – прости, но это правда.

Мы редко встречаемся, зато крепко. Я дружу с его семьей и являюсь крестным отцом его младшей сестры – Анечки. Эту роль я играю никудышно – редко интересуюсь, не всегда поздравляю. Может быть, уверен в семье, но если бы так случилось – удочерил бы. И это тоже правда. В Ане я вижу потенциал и что-то духовно мне близкое. Аня, если прочитаешь это через десять лет – позвони.

"Мудрость"

Женщину невозможно придумать. Все философы, поэты и писатели брали образы с реальных дам. Дам, которых считали достойными, сильными. Признаться, есть в моей жизни девушка, с которой я взял больше всего образов.

Мне было пятнадцать. Я закончил девятый класс, и это событие мы шумно отмечали в Центре Культуры. Я тогда перешел из другой школы, и последний класс средней школы провел в новом коллективе, подарившем мне несколько важных знакомств. Но о них – позже, зато точно – обещаю.

Рядом со мной в какой-то момент села светловолосая девушка в бирюзовом платье. Наполовину татарка, чей дедушка работал вместе с моим. Они дружили. Да, город у нас тесный. Села, завела разговор. Прости, Соня, я не помню, о чем.

И попросила одноклассника нас сфотографировать. Потом это фото я распечатывал, а через год сжег в поры какой-то смешной сейчас обиды. Жаль – хорошее было фото. И спросить теперь не у кого.

Мы все лето общались по переписке, хотя могли и встретиться. У Сони был кнопочный телефон, и она дольше меня набирала сообщения, но я, затаив дыхание, покорно ждал ответа. Теперь я так не умею – ускорился. Жалко.

Вспоминается мне, как мы впервые прогулялись, и тоже сфотографировались. Это фото у нас осталось. У обоих. Я провожал Соню до дома, хоть она и жила очень далеко. Путь обратно порой занимал целый час, но тогда для меня это было не расстояние. Я был счастлив. Кроссовки в пыли, голено стопы ноют. Гуляли просто так, а однажды даже выступали вместе перед детьми – читали наставления по пожарной безопасности.

Помню, как ходили и выбирали с Соней ей футболку и юбку. Футболка была белая и с блестящей бабочкой на спине. Сначала она надела ее задом наперед, но я все равно сказал, что это красиво. Машинально. Я не думал. А юбка была синей и с цветами. Этот комплект Соня потом часто носила, и даже после того, как мы перестали общаться. Это грело меня.

Перед тем, как погулять в первый раз, Соня с отцом привезли нам мед. Двести рублей за литр. Соня робко стояла на пороге, скрестив руки, и согласилась на первую прогулку.

Три дня я не мог прийти в себя. Что вы! Видели бы вы Соню! А мне всего пятнадцать!

Я бывал у Ахматчиных (именно такую фамилию носит Соня), и держал на руках ее младшую сестру Лину. Старшая ее сестра – Даша – тоже светлая. Они с Соней пошли в мать – Светлану Викторовну. А Лина – в отца. Темноглазая, темно-волосая, с характером. Теперь совсем большая. Помню, как в гостях ел малину, но, как мне казалось, очень неуклюже – что-то все время падало. Общались с мамой. А потом Соня мне призналась, что я был единственным, кого отец сразу принял к себе в дом.

Вспоминается мне, как помогал Соне с математикой. Ходил к ней домой, и даже прогуливал уроки, за что, примерный отличник, получал выволочки на ковре у директора. Терпел боль, когда она начала встречаться с другим – тезкой моего отчима. А потом еще с одним, с которым в отношениях до сих пор.

Мы долгое время не общались – я уехал в Новосибирск, зажил своей жизнью. Избавлял себя от боли. Встречался с другой одноклассницей. Жил с ней. Но Соню помнил. Помнил, как смотрел на Лину и представлял себе, что такой же может быть наша с ней общая дочь. Когда-то. Лет через десять.

После мы виделись с Соней всего пару раз, когда я приезжал домой, и каждое наше расставание было для меня очень болезненным. Помню, как катил в Новосибирск в поезде и

считал минуты. Поскорее бы поезд прибыл – не могу лежать наедине с собой. Образ перед глазами, и наша общая дочь. Или сын. Неважно. От любимой девушки все дети любимые – мальчики, девочки, здоровые, с недугами, умные и не очень. Они – свои. Они – не только твоя кровь, но общая. Сила, которую тебе не победить.

В ноябре семнадцатого года мы увиделись в предпоследний раз. Помню, как обнял, и отдал сверток – "Это тебе на день рождения". Затем – только переписка. Редкая, раз в полгода. А буквально месяц назад мы сидели в Челябинске, где Соня сейчас живет, в ресторане в самом центре города, и разговаривали. Мы не виделись три года. Я смотрел на нее – повзрослела, черты лица стали острее, и больше стало от отца. Но в остальном – ничего не изменилось. Вообще ничего. Характер, манеры, смех. Прошло ровно шесть лет. Человек остался человеком. Остался чем-то в правом предсердии. Что-то застряло, и останется навсегда, как пуля под сердцем, которую опаснее вынимать, чем оставить внутри. Нет, вынимать нельзя.

Забыл сказать, что имя Соня с арабского переводится как «мудрость». Что-то в этом есть. Соня точна во многих формулировках, и проста относительно десятков людей, которых я встречал за последние пять лет. Но в этом и есть сила больших – быть простым, но быть человеком. Быть пулей в правом предсердии у самых близких, не прибегая к манипуляциям и соблазнам. Соня – моя первая муза, кото-

рой были посвящены мои первые серьезные стихи.

"Без имени дарителя"

Есть у меня очень важный во всех смыслах друг детства, которого знают все другие мои друзья – лично или опосредованно. Евгений Клюев. Мы росли по соседству, как и со Славой, но потом он переехал с мамой в Нефтеюганск. Туда же, где к тому времени жил и мой родной отец. К слову сказать, мама Жени и сестра моего отца – хорошие подруги до сих пор, а его бабушка работала секретарем у моей. Ирония судьбы, или приходите в гости. Я, кстати, приходил.

С Женей мы общались долгое время по переписке, виделись лишь раз в пару лет, когда он приезжал в наш городок, откуда я был невыездным. Женя единственный мой старый друг до сих пор, с кем я ни разу всерьез не дрался. Причины были, а желания нет. Так бывает.

Именно Женя познакомил меня годы спустя с Петербургом. Он тогда только вернулся из армии, и устраивался, как мог. Весной восемнадцатого года я впервые прилетел в город, который знал лишь по воспоминаниям своей бабушки. Парголовская насыпь приютила нас. Я влюбился в холодные сквозняки, пробирающие насквозь. Влюбился в графитовое небо. Влюбился в дворы-колодцы коммунальных домов Петроградской стороны. В каждой этой любви – Женя. Потом я приезжал в гости еще не один раз, но первый опыт – все-

гда самый пронзительный в любых отношениях. С городом, с другом, с женщиной.

В Петербурге Женя познакомил меня со своей девушкой – Марией Коробковой, которая в будущем стала автором нескольких обложек для моих произведений, не все из которых еще опубликованы. Женя долгое время испытывал определенные сложности во взаимоотношениях с противоположным полом, что сильно его тяготило. Да, Женя, может быть, ты в этом не признаешься, но я все чувствовал. Твой союз с Машей – первый настоящий и крепкий в твоей жизни. Я всегда переживал за ваши отношения, бывало – мирил вас. И если и вставал на сторону кого-то из вас, чем, вероятно, сильно обижал второго, то лишь потому, что вы оба мне дороги. Поэтому я выбирал правду.

Женя познакомил меня с Денисом Ильчиняком. Это мой брат и наставник прямо сейчас. Мое плечо. Физически. Он здесь. Он рядом. Мы встретили с ним мое двадцатилетие в Тюмени. Мы встретили с ним мое двадцатидвухлетие в Петербурге.

Жизнь за три года сделала огромный круг, вернув меня в самое начало. Сейчас я проживаю в центре Петербурга – на Первой линии Васильевского острова. Но это – лишь благодаря вам. Это не материальная благодарность, а благодарность сугубо духовная, которая бывает значимее любых осязаемых вещей. Женя подарил мне много новых друзей и знакомых, произвольно задал вектор движения. Надеюсь, и я

чему-то его научил.

"Эйфория"

Летом восемнадцатого года судьба сблизила меня с человеком, которого я считаю родным в самом чистом понимании этого слова, несмотря на любые разногласия. Анастасия Сикорская. Сейчас ты носишь уже другую фамилию и живешь в десятке тысяч километров от меня, но ты – моя сестра.

Пятого мая Настя позвонила мне в тот момент, когда я поднимался по трапу самолета, который должен был увезти меня из Петербурга обратно в столицу Сибири. Наверное в наш век текстовых сообщений неожиданные звонки – редкость. И этот звонок до сих пор самый непредсказуемый.

Мы учились с Настей в одном классе, но никогда очень близко не общались, не проводили вместе время. До лета восемнадцатого года. Я помню все наши поездки по родному району – трассы, деревни. Я помню нашу поездку в Омск. Накануне я опоздал на поезд, на котором Настя уезжала из Новосибирска, где провожала в родной теперь Хабаровск будущего мужа. Не успел из-за страшных пробок по случаю Дня города. Но уже на следующий день, сразу после экзамена, я за две минуты собрал сумку и уехал. Четыре дня в Омске, как мне теперь видится, связали нас. Потом мы встречались и в Тюмени, и в Хабаровске. Настя приезжала в Ново-

сибирск и мы провожали ее в аэропорту с теперь уже бывшей женой на Дальний Восток. Да, я был женат. Настя именно тот человек, который близко застал начало наших отношений и их конец. И не просто застал, а пережил. Я помню все эмоции, многочасовые телефонные разговоры.

Настя непосредственно подтолкнула меня к написанию моей первой книги – "Женщины мира". Я заканчиваю ее. Столько лет спустя. Настя попала на ее обложку вместе со своей университетской подругой – Анной Беловой, с которой я бы никогда не познакомился, не будь неожиданного звонка пятого мая восемнадцатого года, который я принял, поднимаясь по трапу. А между тем Ане я тоже многим обязан. Не материально – духовно.

Благодаря Насте мы, как мне кажется, стали ближе общаться с другой нашей общей одноклассницей – Анастасией Безменовой. С человеком, который на моих глазах эволюционировал и стал по-настоящему открытым и стремящимся к саморазвитию. Между нами было много, и я, говоря откровенно, не всегда красиво себя вел, но я поражаюсь, насколько стойко Настя переносила все эти моменты.

Три выше перечисленные девушки стали одновременно и лицами главных героинь "Женщины мира", а Анастасия Безменова – еще и повести "Сорок Шесть". Спасибо вам. ANN.

"Надежда"

В апреле семнадцатого года, после расставания с девушкой, с которой я приехал в Новосибирск жить и учиться, я близко сошелся со своей одногруппницей – Дарьей Терской. Мы пережили с ней два этапа тесного общения – в две тысячи семнадцатом и в этом году.

Странно знакомиться с человеком, с которым полгода сидел за соседними партами, но это произошло. Я был слишком занят социализацией – мальчик с синдромом отличника – и текущими на тот момент отношениями. Ездил по два часа из центра города в Академ, и многое, может быть, потерял, не разделив с остальными, в том числе и Дашей, общажный быт. Но ее я заметил сразу, просто не до того было – общаться. Сейчас я оправдываюсь так, хотя это не имеет никакого смысла.

Совпали мы практически моментально. Даша переживала непростой период в своей жизни – расставания, предательства, недоверие. Говорит, я помог ей выйти из депрессии, и увидел в ней человека. Просто человека – так банально. Я помню наши прогулки с мороженым по вечерам. Уже стемнело, и мы ходили под соснами. Воздух чист, я почти в беспомощности. В тот момент действительно хотелось перечеркнуть все, что было до. Я еще не знал, что так нельзя.

Мы вместе проходили практику в Академгородке, когда

девяносто процентов наших одноклассников уехали на Алтай в экспедиции. Не буду говорить, чем мы там занимались, дабы не дискредитировать нашу альма-матер. Я мог уехать в горы, но остался в городе, чтобы быть рядом.

Осень семнадцатого года подарила тяжелую депрессию уже мне. Ряд причин, и крушение надежд. Под откос пошло, казалось, все. Кто-то тогда умер, кто-то слетел с рельс. Второй курс исторического факультета Новосибирского государственного университета Даша не закончила – отчислилась после зимней сессии. И уехала домой – в Новокузнецк. А потом поступила в Москву, где ей нравится. Осталась с человеком, которого всегда любила – с восьмого класса школы.

В Новосибирске у Даши остались многие друзья, и она несколько раз гостила в городе, потом уезжая к родителям в соседний Новокузнецк. Я знаю эту трассу – от Гусинобродского шоссе, где сейчас построили новый автовокзал, через Ленинск-Кузнецкий, где родился и вырос Олег Тиньков. По правде сказать, я знаю все трассы, ведущие из Новосибирска или Кемерово. На Барнаул, в Томск, Омск и Тюмень. В Красноярск и Анжеро-Судженск.

С Дашей мы виделись в мае восемнадцатого года, когда я прилетел из Питера, а вот в январе девятнадцатого – не смогли. Мы с женой в Питер как раз улетели. Затем был январь и июль этого года. Лето. Станция метро Березовая роща. Макдональдс. Три часа ночи. Я, стоя на своих двоих, пытался достучаться до автомата по приему заказов в “Макав-

то” – основная касса уже не работала. Достучался. Мы просидели до пяти утра.

Сейчас, когда мы даже не общаемся, это вспоминается чем-то смешным. А тогда было интересно. У каждого своя судьба. Для всего у каждого свое время и свой человек. Я уже не питал никакого личного интереса, но общаться или нет – только ее выбор. И я его принимаю. Жизнь научила меня принимать. Принимать хорошее и принимать злое в людях. Повторюсь, у каждого свое время и свои люди. Ее время в моей жизни безвозвратно прошло.

Были у меня в жизни и другие люди, которые подарили мне в свое время надежду на мир. Лилия Шаяхметова – родилась и выросла в Тюмени, но в Новосибирск приехала с одной целью. Ей была нужна сильна биологическая школа, которую мог предоставить наш университет. Мы просто общались, однажды ходили в кино. На острие моей депрессии в начале восемнадцатого года оказалась именно она. Не было никакой романтики – только любовь к миру. И именно за это я благодарен.

Лилия Миронова училась на год раньше меня. Она стала примером девушки, которая живет совершенно самостоятельно, ни от кого не зависит, и стремится стать лучше. Понимает, что мир не так прост, а жизнь длинная. Знает, что в этой жизни может хватить людей, которыми можно воспользоваться, но не делает этого. В определенном смысле она утвердила то, во что меня посвятила ее тезка. И за это

тоже спасибо.

Александр Шаповалов – мой одноклассник, с которым мы не общались до второго курса вообще. Он был сначала старостой, потом партнером, затем просто другом. Он стал тем человеком, которому я безраздельно доверяю. Таких людей у меня очень мало. Я хочу сказать спасибо за то, что поддерживал меня осознанно, говорил важные слова, и ни разу не обманул даже в самой малости. Всегда видел, когда мне плохо, а я последние годы редко об этом говорю. Саша – ты человек. Саша – ты мужчина.

Арина Родионова. Если честно, я никак не могу вспомнить, как мы познакомились. Быть может, на каком-то школьном мероприятии. Арина училась на два класса раньше, и иногда мы пересекались. Но начала нашего общения я совсем не помню. В любом случае, именно Арина дала абсурдный пример одновременного сочетания почти детской любви к миру, доброты, целеустремленности, твердости и рассудительности.

Надежда в определенные часы стоит очень дорого. Ей нет никакой цены для спасенного от надлома, какие иногда приводят к фатальным последствиям.

"Воскрешение"

Память остается, даже когда нас лишают всего остального. Разум нельзя отобрать. Люди воздвигают монументы, вы-

бывают золотыми буквами имена на плитах, вещают почетные доски. Но настоящая память (приложи руку к сердцу) – здесь.

Хуже всего у меня всегда получалось проводить причинно-следственные связи, касающиеся моей жизни. Почему я принял то или иное решение? Почему остался рядом с тем или иным человеком? Может быть, стыдно. Может быть, страшно. Что-то инстинктивное заставляет быть аккуратным в оценках себя, иначе карточный домик самовосприятия может осыпаться.

В Новосибирск я увязался за одноклассницей, с которой начал встречаться назло Соне. После расставания, когда я остался в городе один, я увлекся Дашей. Преступно и без оглядки, чтобы забыть уже двух. А женился уже назло Даше, в которой, к великому для меня открытию, вдруг увидел личное продолжение Сони. В жене я не видел ничего уникального. Как и Соня, она татарка по отцу. Такая параллель. А значит, именно Соня разделила когда-то меня на до и после. Она стояла возле своего дома, но не знала, что будет дальше. Не знал и я.

Жена заполняла пустоту и обезбаливала ноющую под сердцем пулю. Это моя ошибка. Я ее признаю и в ней каюсь. Я заполнял и ее личную пустоту, но что скажет публично она – не знаю.

Все это – мои слабости, и ни в коем случае не слабости моих пассий. Свой путь я выбирал сам. Причины выбора –

только моя вина. Но я научился. Научился понимать, что любовь – это общее будущее, а не больное прошлое. Научился ценить верность. Научился признавать ошибки. Научился болеть. Научился писать, когда уже выболело. Научился отступать, когда нужно. Но я все помню, и, если не произносил открыто этого вслух, не забирал своих слов назад. Всем – огромное спасибо. Вы – мой дар. В самом светлом понимании этого слова. Это мое сердце Пармы.

Мать моя – настоящая женщина, пожертвовавшая своей молодостью ради человека, который раньше никогда ей знаком не был. Ради меня. Мой отчим – великий человек, принявший меня, как своего, и никогда не задававший лишних вопросов ни мне, ни моей маме. Все люди здесь – большие и значимые. Всех люблю и всех ненавижу. Это моя исповедь. Здесь каждое слово – на своем месте. Я просто человек. Но если я способен что-то изменить хоть для кого-то из близких – все не зря. Черт с ним с десятками городов за спиной и просыпающемся сквозь пальцы потоком денег. Главное – люди. Главное – любовь.

Однажды мне пришлось взлетать в сильный шторм, при ледяном дожде. Самолет бросало и раскачивало, но он все равно перенес меня на пять тысяч километров. Самолеты часто взлетают против ветра, но ни один из них от этого не упал, если не дал реверс, уже оторвавшись от земли.

Здесь нет слов о тех близких, кто показал себя, несмотря на добро, с негативной стороны. Это только их жизнь.

Не моя. Поэтому о них нет ни слова. Поскольку я пообещал быть честным, я должен был сказать о них и плохое. Но не могу. А потому промолчу. Я этот абзац написал для кого-то из них, кто это прочитает когда-то.

Меня не надо любить. Я не деньги, я не Иешуа Христос, я не ваш ребенок. Я не обещал жать руки каждому в этом нервном мире. Я прошу лишь человеческого уважения. Если нельзя дать мне даже этого, то лучше промолчать. Я чуткий, и пойму, если мне наврали.

Я устал стряхивать пепел с сигарет. Пока что я закончил, а вы продолжайте.

* * *

Автор обложки: Мария Сергеевна Коробкова.
Санкт-Петербург. 25 сентября 2020 года.